

**К ВОПРОСУ О ДИНАМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ В
АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ АМЕРИКАНСКОГО ВАРИАНТА
АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)**

Аннотация. Политический дискурс обслуживается языком для специальных целей, отличающимся от естественного языка, в первую очередь, его лексическим составом, в который входят как нормированные, так и ненормированные специальные лексические единицы. Ядро специальной лексики, образованное терминологическими единицами, подвергается влиянию различных динамических процессов, постоянно протекающим в ней. Изучение динамических процессов представляется актуальным направлением современного прикладного терминоведения в связи с нестабильным и подвижным характером политического языка, а также с широкой перспективой дальнейших исследований. В настоящей работе предпринята попытка рассмотреть в синхронии некоторые динамические процессы, происходящие в современном американском политическом дискурсе на примере лексических единиц «внутренний терроризм» и «гибридная война». В качестве материала для практического анализа в работе привлечен ряд актуальных политических медиатекстов, опубликованных в электронном издании *Politico*, а также политические документы внутреннего пользования Конгресса США, находящиеся в свободном доступе. Исследование выполнено в рамках прикладного терминоведения с использованием собственного терминологического метода – метода терминологического анализа текста. Полученные результаты позволяют заключить, что в современном американском политическом дискурсе протекают активные динамические процессы транстерминологизации и терминологизации. Данные процессы протекают именно в синхронии, поскольку сопровождаются наблюдаемыми *ad hoc* процессами специализации значения под влиянием экстралингвистических факторов, а также уточнением формы и содержания исследуемых единиц. Все выводы и умозаключения сопровождаются иллюстрациями из материала исследования.

Ключевые слова: политический дискурс, язык для специальных целей, динамические процессы, транстерминологизация, специализация значения, терминологизация, внутренний терроризм, гибридная война.

**ON THE ISSUE OF DYNAMIC PROCESSES IN THE POLITICAL
TERMINOLOGY (THE CASE STUDY
OF THE AMERICAN POLITICAL JARGON)**

Abstract. Language for specific purposes is an integral part of the political discourse. LSP differs from a natural language, mostly, in its vocabulary, which comprises both standardized and non-standardized lexical units. The core of the special lexis is formed by terms and it is affected by various dynamic processes, which constantly proceed in it. The study of the dynamic processes appears to be an acute research direction in the modern applied terminology due to an astatic and flexible nature of the political language as well as to potential directions for future research. The present study attempts to examine in synchrony some dynamic processes, which happen in the modern American political discourse on the example of two lexical units: “domestic terrorism” and “hybrid war(fare)”. The author used a number of timely political media

texts issued by Politico.com and some Congressional interior political documents displayed in the public domain. The study has been carried out within the framework of applied terminology with the use of a specific terminological method – the one of terminological text analysis. The results obtained allow the author to conclude that in the modern American political discourse the active dynamic processes of trans-terminologization and terminologization take place. These processes happen namely in synchrony as they are accompanied by the ad hoc processes of the meaning specification, which develop due to the extralinguistic factors, and the process of adjustment of the form and meaning of the units under study. All the conclusions and speculations are illustrated with the samples from the analyzed texts.

Keywords: *political discourse, language for specific purposes, dynamic processes, trans-terminologization, specification of the meaning, terminologization, domestic terrorism, hybrid war(fare).*

Всякий институциональный дискурс представляет собой сложную систему. Политический дискурс в понимании Е.И. Шейгал – это семиотическое пространство, обладающее собственным подязыком, имеющим равное значение с другими его компонентами: текстом и контекстом [1, с. 14-16].

Основу любого подязыка, как известно, составляет специальная лексика, представляющая собой «все лексические средства, так или иначе связанные с профессиональной деятельностью человека» [2, с. 25, 26]. Состав специальной лексики неоднороден и во многом зависит от профессиональной сферы. Отечественные ученые (например, С.В. Гринев-Гриневиц, В.М. Лейчик, С.Д. Шелов) выделяют в специальной лексике нормированные и ненормированные единицы. К первой группе относятся термины и номенклатурные наименования, ко второй – предтермины, прототермины, псевдотермины, терминологизмы, консубстанциональные термины и слова и прочие единицы со спорным статусом.

Ядро специальной лексики образовано терминами – совокупностью лексики, которая чаще всего обладает свойством системности и функционирует по собственным законам, нередко отличным от функционирования лексико-семантических групп естественного языка [3, с.106-112].

Процессы, постоянно протекающие в терминологиях и терминосистемах, в частности, развитие омонимии и полисемии, терминологизации и детерминологизации, а также междисциплинарные заимствования (транстерминологизация) и вариантность терминов, все чаще привлекают внимание исследователей. Эти явления получили название «динамические процессы» [4] и изучаются на материале разных языков.

Настоящая работа представляет собой попытку рассмотреть в синхронии некоторые динамические процессы, происходящие в американском политическом дискурсе на примере специальных единиц *domestic terrorism* и *hybrid war(fare)*. Материалом исследования выступили как официальные документы Конгресса США, находящиеся в свободном доступе, так и специализированные медиатексты – статьи электронной версии издания *Politico*. Исследование выполнено в рамках прикладного

терминоведения с использованием метода терминологического анализа текста.

Первая исследуемая единица *domestic terrorism* (внутренний терроризм) представляет собой юридический термин, первоначально довольно широко интерпретируемый в статье 2331(5) Федерального уголовного кодекса США и не обозначающий федеральных преступлений. Только после трагедии 11 сентября 2001 в закон были внесены поправки, прописанные в документе «Закон 2001 года, сплачивающий и укрепляющий Америку обеспечением надлежащими орудиями, требуемыми для пресечения терроризма и воспрепятствования ему», или «Закон о патриотизме», благодаря которым «внутренний терроризм» теперь понимается как любые противоправные действия, угрожающие жизни человека и нарушающие уголовный кодекс США или УК любого штата, которые умышленно запугивают или подавляют гражданское население, оказывают влияние на принятие решений и совершение действий органами власти посредством угрозы или массовых разрушений, убийств или похищений, и осуществляемые преимущественно в пределах территориальной юрисдикции США [5, 6, 7].

Термин *domestic terrorism* довольно широко употреблялся на тот момент в политическом дискурсе по отношению, в первую очередь, к преступлениям на почве нетерпимости (*hate crime*), совершаемых членами радикальных и ультраправых организаций, и ассоциировался с выражениями *White supremacists*, *Neo-Nazis*, *Ku Klux Klan members*, *'Proud Boys'* и др., а также с массовыми убийствами, в частности, с применением огнестрельного оружия (*mass shooting*) (Выделение п/ж шрифтом и подчеркиванием в примерах здесь и далее наше. – М.С.).

(1) *The statement from the association, which represents more than 14,000 active and former FBI special agents, follows the Justice Department's announcement Sunday that it is treating the mass shooting in El Paso, Texas, as a case of domestic terrorism* [8].

(2) *Congress is putting a bipartisan squeeze on President Donald Trump to condemn white supremacists and commit his administration's resources to combating domestic terrorism by neo-Nazis and other racist groups* [8].

Таким образом, возможно говорить, во-первых, о **процессе транстерминологизации** – междисциплинарного терминологического заимствования с последующим развитием собственного значения, поскольку термин *domestic terrorism* первоначально входит в юридическую терминосистему и несмотря на внесенные изменения в УК США (т.е. изменение объема юридического термина) именно в политическом подъязыке наблюдается развитие сугубо политического значения.

Во-вторых, по мере функционирования исследуемого термина в политическом дискурсе под влиянием экстралингвистических факторов его значение продолжает дальнейший **процесс специализации значения** и сегодня мы все чаще можем наблюдать употребление единицы «внутренний терроризм» по отношению к «идеологически неправильным» действиям:

(3) *The storming of the Capitol on Jan. 6 has been denounced by the White House, the FBI and the Justice Department as **an act of domestic terrorism** ...* [8]

или

(4) *Seeking to satisfy a large swath of the public outraged by the Jan. 6 riot, prosecutors have declared that the event “certainly” qualifies as **domestic terrorism** [8].*

В пользу данного умозаключение говорит так же тот факт, что во внутренних документах (отчетах Исследовательского Управления Конгресса [9, 10]) проводится четкое разграничение между политической трактовкой этого термина (пример 5) и толкованием в юридической системе (примеры 6 и 7):

(5) *Domestic terrorism (DT) differs from other criminal activity in key ways. Importantly, unlike most offenders – who may be driven by self-centered motives – **domestic terrorists are driven by a cause or ideology** [9].*

(6) *FBI Director Wray has repeatedly stated in congressional testimony that the FBI requires DT investigations be based on “activity intended to further a political or social goal ... involving force, coercion, or violence, in violation of federal law” **regardless of the nature of the ideology** [9].*

(7) *The FBI conceptualizes domestic terrorism in terms of threats, **not groups or ideas** [10].*

Вторая исследуемая единица «гибридная война» представляет собой предтермин – специальную лексическую единицу, используемую для номинации нового понятия, часто с колебанием значения и формы [11, с. 45].

Данная единица была предложена для обозначения военной стратегии, в которой комбинируются как традиционные приемы ведения войны, так и политическое и дипломатическое давление, запугивание, информационное манипулирование и дезинформация, террористические акты и прочие неконвенциональные действия [12].

Авторство приписывается Фрэнку Гоффману, однако сам исследователь в своей работе ссылается на неопубликованную магистерскую работу 1998 года, в которой эта единица была употреблена впервые [12, с.9].

Англоязычная единица «гибридная война» еще не имеет устойчивой формы, и в политическом дискурсе одновременно употребляются две единицы *hybrid warfare* и *hybrid war*:

(8) *They also committed to launching a “transatlantic task force” to identify and freeze the assets of individuals and companies, and pledged to increase coordination “against disinformation and **other forms of hybrid warfare**” [8].*

(9) *The Russian “assault” against Ukraine “has already begun,” WSJ’s James Marson reports from Kyiv, and has taken **the form of a “hybrid war”** that includes “cyberattacks, economic pressure and, most recently, false bomb threats” [8].*

Наблюдается разная частотность употребления упомянутых единиц: *hybrid warfare* встречается гораздо чаще, чем *hybrid war*, проявляя при этом и большие возможности в коллокациях. Так, например, обе единицы употребляются в глагольных конструкциях (*to stop hybrid warfare, to use*

hybrid warfare, to defend against hybrid warfare, to start hybrid war, to wage a “hybrid war”) и в *of*-фразах (*an act of hybrid warfare, the tactics of hybrid warfare, the challenge of hybrid warfare, a form of a hybrid war, part of a hybrid war*), только первая единица образует *noun+noun* конструкции: *cyber-enabled hybrid warfare, the Russian hybrid warfare thread, Russia’s hybrid warfare doctrine*.

Говоря о колебании значения предтермина, отметим, что пока не существует не только общепринятого определения данного понятия, но даже устойчивого понимания, что тактика гибридной войны в себя включает. По мнению Фрэнка Гоффмана, ведение гибридной войны – это сочетание, в первую очередь, разнообразных насильственных форм давления на противника, включая террористические акты и совершение преступлений [12], при этом во внутренней документации встречается более широкая трактовка: *“Hybrid warfare blends conventional, irregular, and information warfare. It may also include economic and other forms of competition and contention. Often used to describe information warfare, hybrid warfare encompasses activities that fall outside of the information warfare rubric”* [13].

Однако появление указанных единиц в официальных политических документах дает основание предполагать происходящий **процесс терминологизации** – переход лексической единицы из состояния нетермина в состояние термина [3, с.29].

Данный процесс является долгим и непростым, исследуемая единица все еще встречается в кавычках или с уточнением (*so-called hybrid warfare* или *sometimes called hybrid warfare*) [14], тем не менее этот предтермин уже не является редким в таком типе документов, а его содержание уточняется, и, вполне возможно, что через некоторое время исследуемая единица приобретет следующие характерные для термина свойства: устойчивость, содержательную точность, дефинированность, контекстуальную независимость.

Выводы. Проведенное исследование актуального языкового материала позволяет заключить, что в современном американском политическом дискурсе протекают активные динамические процессы транстерминологизации и терминологизации *ad hoc*, т.е. в синхронии. Полученный вывод указывает на нестабильный и подвижный характер политического языка как языка для специальных целей и открывает перспективу для дальнейшего исследования политической лексики.

Список использованной литературы

1. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004 – 326 с.
2. Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В. Общая терминология: Вопросы теории; отв. ред. Т.Л. Канделаки. Изд. 6-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 248 с.
3. Лейчик В. М. Терминоведение. Предмет, методы, структура. Изд. 3-е. М.: Издательство ЛКИ, 2007. 256 с.
4. Алимуратов О. А., Лату М. Н. Динамические процессы в терминологических

системах (на материале современных англоязычных терминосистем) // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2012. № 14. С. 273-280.

5. Бочинин А. В. Проблема внутреннего терроризма на страницах печати США // Медиаскоп. 2015. № 2. С. 3. EDN TXLQDR.

6. Title18 – Crimes and Criminal Procedure // GovInfo. Available at: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/USCODE-2021-title18/pdf/USCODE-2021-title18-partI-chap113B-sec2331.pdf> (accessed 22.01.2023).

7. Uniting and strengthening America by providing appropriate tools required to intercept and obstruct terrorism (USA Patriot Act) act of 2001. Available at: <https://www.congress.gov/107/plaws/publ56/PLAW-107publ56.pdf> (accessed 22.01.2023).

8. POLITICO. Available at: <https://www.politico.com> (accessed 22.01.2023).

9. Sifting Domestic Terrorism from Domestic Violent Extremism and Hate Crime. June 1, 2022. Available at: <https://crsreports.congress.gov> (accessed 22.01.2023).

10. Domestic Terrorism: Some Considerations. August 12, 2019. Available at: <https://crsreports.congress.gov> (accessed 22.01.2023).

11. Гринева-Гриневич С. В. Терминоведение : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М. : Издательский центр «Академия», 2008. 304 с.

12. Frank G. Hoffman. Conflict in the 21 st Century: The Rise of Hybrid Wars. Potomac Institute for Policy Studies. Arlington, Virginia. December, 2007. Available at: https://www.potomacinstitute.org/images/stories/publications/potomac_hybridwar_0108.pdf (accessed 22.01.2023).

13. Catherine A. Theohary. Information Warfare: Issues for Congress. March 5, 2018. Available at: <https://crsreports.congress.gov> (accessed 22.01.2023).

14. Great Power Competition: Implications for Defense – Issues for Congress. November 8, 2022. Available at: <https://crsreports.congress.gov> (accessed 22.01.2023).